

[...in terris]...

УДК 008.2;351.85
ББК 71.4

М.Е. ПОПОВ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Статья посвящена исследованию социокультурной интеграции как способа разрешения конфликтов идентичностей в современной России. Автор рассматривает основные факторы возникновения конфликтов идентичностей и подчеркивает дестабилизирующую роль политизации этничности. В качестве системных условий эскалации конфликтов идентичностей автор выделяет кризис гражданской идентичности, традиционализацию, этническую напряженность.

Ключевые слова: конфликты идентичностей, социокультурная интеграция, разрешение конфликтов, российское общество, гражданская идентичность, традиционализация, политизация этничности, этническая напряженность.

Специфика конфликтов идентичностей как вызова и угрозы интеграции российского общества заключается в том, что они протекают на фоне ценностно-мировоззренческого столкновения традиционалистских и постмодернистских проектов цивилизационного развития. Понятие ценностно-мировоззренческого конфликта уточняет концепт конфликтов идентичностей и подчеркивает системно-генетический характер данной объяснительной модели. По словам И.С. Семененко, «многомерный конфликт идентичностей — между автохтонными и инокультурными группами, между национальными сообществами

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе». Грант Президента МД-7429.2015.6.

В ПРОСТРАНСТВЕ
ИСКУССТВА
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

в составе современных политических наций, между Центром и регионами, между носителями разных групповых идентификаций и культурных норм — оказывается сегодня препятствием на пути консолидации гражданской нации» [1, с. 114]. Региональные конфликты идентичностей необходимо рассматривать в контексте социально-конструктивистской парадигмы как результат глокальных посттрадиционных «сдвигов», затрагивающих все формы коллективных идентичностей в современном мире. В дезинтегрированном российском социуме посттрадиционные социокультурные трансформации становятся метасредой протекания затяжных идентификационных конфликтов.

На теоретическом уровне социокультурная интеграция определяется как процесс поддержания и продвижения ценностей, идентичностей и институтов, который позволяет всем социальным субъектам равноправно и бесконфликтно участвовать в социальной, культурной, экономической и политической жизни на основе согражданства, солидарности, мультикультурности, безопасности, справедливости, равенства в рефлексивном пространстве гражданской нации. Применительно к этнокультурной сфере социокультурная интеграция исключает процесс механической консолидации, основанный на силе ассимиляционного принуждения, подчинения и подавления культурных различий в попытке навязать унифицированную культурную идентичность.

Социокультурная интеграция как социальный конструкт находится в зависимости от трех различных, но взаимосвязанных процессов, которые в своем системном единстве формируют гражданскую идентичность:

- признание множественности этнокультурных идентичностей в целях содействия макросоциальной солидарности в рамках единого гражданского нормативно-правового пространства;
- гражданско-политическое представительство и коллективные права этнических меньшинств в целях предоставления гарантии того, что интересы, идентичности и ценности различных социокультурных групп учитываются в процессе принятия государственных решений и распределения ресурсов;
- перераспределение экономических и политических ресурсов между различными социальными субъектами в целях предотвращения диспропорций и фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности.

Данные основания и принципы социокультурной интеграции в процессе конструирования гражданской макросоциальной идентичности опираются на концептуальные модели справедливости, прав человека, прав меньшинств, согражданства, равенства, социальной инклюзии, равенства возможностей, равноправия, социального капитала, солидарности.

Социокультурная интеграция на основе гражданской идентификации, секулярных ценностей и правовых норм (Ю. Хабермас) снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности, безопасности,

просвещенности, редукцией интерпретаций социальных проблем посредством негативной стереотипизации культурно «других» как «этнических врагов». В современной России, в том числе в наиболее конфликтогенном Северо-Кавказском регионе основная задача социокультурной интеграции — рационализировать этносоциальные противоречия в процессе гражданско-правовой трансформации традиционалистской иерархической системы этнорегиональных отношений.

На макросоциальном уровне социокультурная интеграция указывает на базовые рационально-коммуникативные, рефлексивно-идентификационные, символические принципы и механизмы, консолидирующие субъектов на основе взаимного ценностного признания и принятия общегражданских норм. Ценностно-нормативным результатом интеграции полиэтнического общества становится солидарное и бесконфликтное взаимодействие этнокультурных сегментов в рамках целостной социально-гражданской системы. В этом аспекте социокультурная интеграция приобретает качества фундаментального структурно-символического принципа и антиконфликтогенного инструмента поддержания и продвижения макросоциальной солидарности, становится механизмом реализации политики гражданской идентичности. По словам М.К. Горшкова, «требуется целеориентированная государственная политика, направленная на консолидацию народов России, включение потенциала российской идентичности в модернизационные преобразования. Именно отсутствие научно обоснованного и политически значимого проекта, способного консолидировать российское общество как государственную и гражданскую общность, во многом явилось причиной застойных явлений российской идентичности, стимулировало в обществе поиск новой стратегии сохранения и развития идентификационных и консолидирующих оснований» [2, с. 20].

Структурный функционализм актуализирует внимание на нормативно-ценностной характеристике интеграции в процессе социальной консолидации. В рамках конфликтологической парадигмы сущностными характеристиками социокультурной интеграции являются ее интенция к идентификационной солидарности и способность к трансформации деструктивных конфликтов идентичностей в конструктивные конфликты интересов.

Этноконфликтологические концепции солидарности и интеграции тесно связаны с теориями идентичности и конфликта: социокультурная интеграция интерпретируется как способ разрешения этнических противоречий на основе консенсуса и компромисса, как антиконфликтогенный инструмент включения этничности в символическое пространство гражданской идентичности.

Исследование региональных конфликтов идентичностей в контексте экспликации антиконфликтогенного потенциала социокультурной интеграции связано с определением мобилизационной специфики этнополитического традиционализма в структуре конфликтую-

щих идентичностей. На Северном Кавказе политизация этничности как фактор социальной дезинтеграции и этноконфликтной напряженности напрямую зависит от остроты коллективного восприятия и переживания угроз «этнополитической безопасности». Формирующиеся в пространстве этносоциального неравенства групповые идентичности становятся источником конфликтной мобилизации. В Северо-Кавказском регионе в ситуации радикальной этнополитизации модернизационная интенция формирования надэтнической гражданской идентичности редуцируется к этнорелигиозному неотредиционализму. По словам Д. Смита, «причиной вооруженных конфликтов служат не этнические различия как таковые, а этническая политика. Опасность возникает тогда, когда этнические различия начинают определять политические пристрастия, и когда происходит политизация этнической идентичности. <...> Трагедия заключается в том, что как только этническая маска надета, ее очень трудно сбросить. Пробужденное чувство групповой идентичности использует негодование и обиды, чтобы сплотить людей, особенно в периоды кризиса или войны, и при этом порождает, казалось бы, непримиримую ненависть, которая становится источником затяжных, часто циклических конфликтов» [3, с. 127—128].

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность с высокой степенью вероятности будет политизирована; воздействие этнополитических установок на насилие состоит в том, чтобы сконцентрировать социально-агрессивный потенциал в точке культурной непримиримости. Величина этнополитического насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью социальной неудовлетворенности и масштабами институциональной поддержки, являющимися условиями открытого противостояния. Как отмечает Т. Гарр, «каким бы интенсивным и сосредоточенным ни был порыв к насилию, на его актуализацию в конкретной политической общности оказывают сильное влияние типы коерсивного контроля и институциональной поддержки. Если режим и те, кто ему противостоит, обладают приблизительно равными степенями коерсивного контроля и институциональной поддержки, мы будем иметь дело с политическим насилием максимальной величины, и оно с наибольшей вероятностью примет форму внутренней войны» [4, с. 53].

В качестве макросоциальных факторов, определяющих специфику и остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию конфликтов идентичностей в полиэтничных регионах Северного Кавказа, выступают масштабная социальная фрагментация и экономическая поляризация: этнополитическая регионализация в этих условиях приобретает выраженный конфликтогенный характер.

В исследовании В.А. Авксентьева и М.М. Шульги, посвященном анализу перспектив развития этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае, отмеча-

ется, что «межнациональные и межконфессиональные отношения в крае можно охарактеризовать как стабильно напряженные. Вместе с тем, ни те, ни другие не рассматриваются как наиболее острые проблемы и занимают соответственно 11-е и 15-е места из 16 предложенных в рейтинге актуальности социальных проблем. Этот результат оказался неожиданным с учетом того, какое место этнонациональная проблематика занимает в общественно-политическом дискурсе в регионе.

Наиболее актуальными, по мнению респондентов, являются проблемы, общие для всей страны: коррупция, взяточничество (48,5 %), рост цен, налогов, инфляция (46,5 %), безработица (38,6 %), рост преступности (34,9 %); жилищная проблема и проблемы коммунального обслуживания (32,8 %) <...> Хотя респонденты оценили вероятность возникновения межнациональных конфликтов как среднюю, в условиях стабильной напряженности любой конфликт, независимо от его истинных причин, может быстро превратиться в межэтнический. Для таких обстоятельств характерно восприятие действий людей другой национальности как потенциальной угрозы для безопасности своей национальности. Сложившаяся ситуация создает благоприятные условия для этноконфликтной мобилизации — быстрого объединения людей по национальному признаку для участия в конфликтных действиях. Высокая напряженность в межэтнических отношениях — основная причина постоянно вспыхивающих на территории края локальных конфликтов с межэтническим компонентом» [5, с. 34—42].

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертона и Дж. Ротмана в 1990-е годы. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, глубокая субъективность и неуправляемость (см.: [6]).

Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей во многом определяют перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идеалов (идентичностей) осознается или вербализируется их участниками. Эскалация этнической конфликтности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как жертву ценностных притязаний со стороны «иных» культурных групп.

В этноконфликтологии авторы концепции разрешения конфликтов считают затяжные идентификационные конфликты естественным следствием неудовлетворенных потребностей, когда «источником затяжного кон-

фликта служат базовые потребности его участников (например, в идентичности, безопасности и справедливости распределения). Такое понимание конфликта сложилось под влиянием идей “подхода мирового общества” и “теории человеческих потребностей”, разработанных Дж. Бертоном. Эта теория постулирует универсальное стремление к удовлетворению базовых и жизненных потребностей, таких, как безопасность, идентичность, признание, пища, кров, защита, представительство, справедливое распределение и развитие. Исходя из этого, модель разрешения конфликта не стремится искоренить конфликты как таковые, признавая при этом, что их ненасильственная разновидность играет важную роль катализатора социальных перемен. Следовательно, целью разрешения конфликта становится устранение насильственных и деструктивных форм его появления, корни которых уходят в опасения и неудовлетворенные потребности конфликтующих сторон. Основная задача в этом случае помочь сторонам осознать свои базовые потребности в идентичности, безопасности и участии, а затем использовать это для переоценки своих интересов и позиций» [7, с. 60].

Парадигма разрешения конфликтов постулирует, что манифестация конфликта не обязательно указывает на его истинную сущность. Этот подход требует избегать поверхностного анализа открытых антагонистических притязаний, которые являются вершиной айсберга конфликта, и сосредоточиться на его скрытом, глубинном слое. Анализ скрытого смысла конфликтного взаимодействия занимает центральное место в современной теории конфликта в рамках поиска конструктивных методов трансформации, урегулирования, управления и разрешения конфликтов. Не актуализируя проблему, определяется ли этот скрытый слой конфликта экономическими интересами, онтологическими или биологическими потребностями, все школы разрешения конфликтов настаивают на том, что работа с глубинным уровнем конфликта, которым является социокультурная идентичность, становится более плодотворной и конструктивной при анализе основного противоречия, его породившего. По мнению Дж. Ротмана, традиционный рецепт, рекомендующий отделять идентичность от скрытого противоречия и конкретной конфликтной проблемы, является одним из распространенных примеров конфликтологического анализа, способного усугубить, но не разрешить противоречие. Когда конфликт касается ресурсов или осознанных, рационализированных целей, которые четко определены, этот традиционный подход может быть полезным ориентиром в процессе конфликтного разрешения. Однако когда в социокультурные конфликты втягиваются глубинные субъективно-эмоциональные проблемы, такие, как поддержание групповой солидарности, безопасность макросоциальной идентичности, отделить идентичность от конфликтной проблемы не представляется возможным, потому что коллективные идентичности участников конфликта находятся под угрозой, по крайней мере, стороны конфликтов идентичностей

так интерпретируют их генезис и основное противоречие [8, р. 631—658].

В урегулировании конфликтов идентичностей целесообразно использовать методы конфликтного управления с помощью структурного разделения различных компонентов конфликта: попытка отделить ценности и идентичности от сущности противоречия может только усугубить ценностно-идентификационный конфликт, придать формам его манифестации деструктивный характер. В теории международных конфликтов Дж. Бертона предлагается учитывать базовые человеческие потребности, которые отличаются от интересов и включают в себя необходимость в групповой безопасности и признании уникальной идентичности, и использовать их в антиконфликтном менеджменте в процессе разрешения конфликтов идентичностей. Основной целью их разрешения должно быть устранение морально-психологических угроз, напряженности и разочарований в базовых потребностях, а не только удовлетворение материальных интересов.

«Если мы хотим добиться успеха в анализе конфликтов идентичностей, — отмечает Дж. Ротман, — мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам разрешения. Мы рассматриваем идентичности как самовосприятие, наполненное культурной формулой. Эта формула может основываться на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях. В конфликтах идентичностей идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником конфликтного восприятия противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве персональных “максимайзеров”, защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных социокультурных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне. Все эти восприятия генерируются культурно-идентификационной формулой. Идентичность становится идеологической базой участников конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами» [8, р. 632].

В рамках социально-философского анализа конфликты идентичностей представляют собой социокультурные конфликты «текущей современности», фундаментом которых являются ценностно-мировоззренческие противоречия, обусловленные глокальными кризисами и трансформациями идентичностей. Конфликты идентичностей детерминированы ценностно-мировоззренческим столкновением традиционалистских и посттрадиционных социокультурных систем и являются атрибутивной частью рефлексивно-модернизационных процессов в современном мире. Понятие «конфликты идентичностей» отражает

системный характер ценностно-мировоззренческих противоречий как модернизационных рисков современности: стирание культурных различий и сближение групповых идентичностей является неисчерпаемым источником интеграции и конфликтов.

Конфликтогенность традиционалистских идентичностей обусловлена негативной стереотипизацией «чужих культур» в процессе этнополитического конструирования «границ». Культурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к диалогу; однако когда гражданская идентификация в процессе модернизационной универсализации интерпретируется этническими «антрепренерами» как угроза «этнокультурной безопасности», возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей. Социокультурные трансформации изменяют этностатусную иерархию коллективных идентичностей в примордиалистской оппозиции «свой — чужой» посредством универсализации гражданских и секулярных ценностей; качественные изменения в структуре идентичностей становятся факторами мощного традиционалистского сопротивления.

Региональный анализ взаимосвязи конфликтности и идентичности приводит к мысли о деструктивном воздействии внутрисистемных противоречий, обусловленных факторами социальной фрагментации и дезинтеграции, в первую очередь, низким уровнем жизни и неудовлетворенностью в базовых потребностях равенства, справедливости, безопасности. В.А. Авксентьев и М.М. Шульга отмечают, что «причины межнациональной напряженности в крае респонденты в равной мере связывают как с ситуацией в регионе, так и с ситуацией в стране. При ответе на вопрос: “Какие причины, по Вашему мнению, вызывают межнациональную напряженность в регионе?” <...>. В первой группе (30 %) сказали: ситуация в республиках Северного Кавказа (39,3 %); ухудшение социально-экономического положения людей в России (39 %); рост безработицы (33,0 %); ошибки в национальной политике (30,3 %). Во вторую группу вошли ответы, которые дали от 10 до 29 % респондентов: деятельность федеральных политиков (22,9 %); террористические акции, гибель мирного населения (18,6 %); миграция из стран ближнего и дальнего зарубежья (15,3 %); предубежденность людей против некоторых национальностей (10,9 %). Третья группа — ответы, данные менее чем 10 % опрошенных: подъем национального самосознания (9,4 %); выступления отдельных СМИ, провоцирующих межнациональную неприязнь (7,2 %); деятельность зарубежных стран (6,0 %); радикализация религии (5,8 %); деятельность региональных властей (5,2 %). По результатам группировки ответов причинами межконфессиональной напряженности являются: безработица, низкий уровень жизни, низкие зарплаты; низкий уровень культуры и образования населения; ошибки национальной политики; низкий уровень толерантности; борьба за земли, за территорию; раздувание конфликтов в СМИ; пропаганда превосходства одних

религий над другими, радикализация религии; неконтролируемая миграция, ошибки в миграционной политике» [5, с. 34—42].

Незавершенные социокультурные трансформации, устрашающий разрыв между модернизационным вызовом глобализации и региональным традиционализмом служат системными факторами эскалации конфликтов идентичностей, угрожающих социальной безопасности страны, выбравшей более двадцати лет назад демократический вектор развития. Социокультурная детерминанта конфликтов идентичностей — антимодернизационные процессы в поляризованном социуме — остается основной причиной деструктивного воздействия на социокультурную интеграцию современного российского общества.

Модернизационные и интеграционные процессы в российском обществе развиваются асинхронно; в этой ситуации реакция этнополитических групп на паллиативную модернизацию с комплексом нерешенных социальных проблем часто бывает враждебной, что усиливает региональный традиционализм и формирует конфликтогенные идентичности. В этой связи социокультурная интеграция становится единственным источником социального консенсуса в процессе разрешения конфликтов идентичностей. В полиэтничном обществе, когда в конфликты идентичностей вовлекаются этнокультурные различия, стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах культуры мира как мировоззренческом фундаменте гражданского интернационализма.

Список литературы

1. Семененко И.С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. Вып. 12. — М.: Новый хронограф, 2013.
2. Горшков М.К. Модернизационный потенциал идентичности // Россия реформирующаяся. Вып. 12. — М.: Новый хронограф, 2013.
3. Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. — М.: Наука, 2007.
4. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. — СПб.: Питер, 2005. — С. 53.
5. Авксентьев В.А., Шульга М.М. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социологические исследования. — 2013. — № 12. — С. 34—42.
6. Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.
7. Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. — М.: Наука, 2007.
8. Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. — 2013. — № 28 (3).